

«Почему все-таки решил бросить институт? Считаете работу педагога второстепенной, заурядной? Вам бы в физики, в космонавты... На земле скоро останется только одна неоткрытая область: душа человеческая. Недра, воды, в том числе глубинные — все изучат и подожмут в докладах и рефератах. А душа человека, его психика будет по-прежнему вызывать изумление, ставить в тупик, эта ничтожная точка во Вселенной — человек, и обратите внимание, не менее сложная, чем вся Вселенная... Вечно только истинное, вечно одно лишь знание... Человек рождается с девственным мозгом и инстинктами, знания в него вносятся потом, как в почву удобрения. И будущий урожай, заметьте, зависит от этих удобрений!».

Так, Петр Лукич, говорит герой одного из ваших рассказов, декан педагогического института Устинов, пытаясь усовестить студента, решившего бросить учебу.

Да, действительно, душа человеческая сложна. И раскрыть ее глубины, познать ее тайны, на мой взгляд, помогают нам педагоги и писатели. Не так ли?

— Наверное, это так. Во всяком случае, то, что педагог, учитель не только дает нам знания, но и раскрывает человеческие души, характеры, помогает осознать самих себя — это точно. Так случилось когда-то и со мной. Дело в том, что начало моего серьезного литературного образования заложила районная библиотека, в которой я перечитал почти все. Даже занятия на время бросил — вот насколько поглотила меня неудержимая страсть к чтению, к книге. Родителям пришлось пойти в школу и заявить, чтобы мне не давали на дом книг. Я затосковал, застрадал. Мне казалось, что жизнь оборвалась.

И вот в эту трудную минуту поддержала меня любимая учительница Александра Митрофановна, которая из своей домашней библиотеки давала мне книги для чтения. Была она бездетной женщиной и привязалась ко мне, как к сыну. И, как сына, баловала... книгами. Как-то, прогуливаясь после уроков, она протянула завернутую в газету книгу. Это был «Тиль Уленшпигель». «Не читал?» «Нет», — сказал я застенчиво и, забыв обо всем на свете, жадно разглядывая темноту зеленой обложки. Простившись с Александрой Митрофановной, я полез за монастырскую ограду, забрался там на высокую старую грушу и, раскрыв книгу, провалился в мир ее героев. Опомнись от наступления темноты. Книгу домой не понес, спрятал здесь же, в бурьяне. Впечатление от «Тили» было непередаваемо: смеялся и плакал одновременно. Тиль и его друзья вошли в меня навсегда, и когда через несколько лет, в сорок первом году, уже в оккупации, я увидел выброшенные под обрывы книги из школьной библиотеки, я жадно схватил первую попавшуюся — ее оказалась именно книга де Костера, — спрятал за пазуху, а придя в себя (в здании школы располагался немецкий госпиталь), и меня могли пристрелить), перетаскал домой и рассовал по углам несколько мешков книг. Это, очевидно, спасло мою душу: вымышленная человеческим гением великая жизнь заслонила меня от подлинно непереносимой по своему страданию действительности.

Запомнился еще один эпизод, воскрешавший облик любимой

Петр
ПРОСКУРИН:

«ВСТРЕЧИ МОЕЙ ЖИЗНИ»

СРЕДИ ИМЕН новых лауреатов Государственной премии СССР — писатель Петр Лукич Проскурин. Он удостоен премии за сценарий кинодилогии «Любовь земная» и «Судьба». В 1974 году писателю была присуждена Государственная премия РСФСР им. Горького за роман «Судьба». Этими вехами отмечен почти двадцатилетний творческий путь П. Проскурина в советской литературе.

Читатель знаком с его произведениями: «Глубокие раны» и «Горькие травы», «Исход» и «Любовь человеческая», «Корни обнажаются в бурю» и «Камень сердолик», «Судьба» и «Имя твое», отражающими глубину постижения писателем истоков народной жизни, драматизм столкновения человеческих характеров. В настоящее время П. Л. Проскурин готовит к выпуску пятитомное собрание своих сочинений.

учительницы. Однажды на улицах моего родного Севска, что в Брянской области, я увидел трех повешенных партизан. Среди них был мальчик лет десяти. На груди у всех висели дощечки: «Бандит-партизан». Я был потрясен увиденным. И вдруг смотрю — ко мне идет Александра Митрофановна. От ее голоса, родного и близкого, я заплакал. «Вот это не надо», — сказала она. — Я, конечно, все понимаю, но не надо слез, скоро все переменится. Возьми это от меня и помни: быть человеком всегда трудно». Она сунула мне сверток и пошла своей дорогой. Дома я судорожно его развернул. У меня в руках была обыкновенная и в то же время необыкновенная книга «Слово о полку Игореве». С тех пор я знаю его наизусть.

Вместе с этой удивительной книгой лежала другая — «Тарас Бульба» Гоголя...

— Да, с прекрасных книг началось ваше познание мира, жизни. В этом смысле можно сказать, что вам повезло. Помните, как писал Маяковский, что первой книгой, которую он прочел, была «Птичница Агафья», и попадись ему на глаза еще одна такая, — бросил бы читать совсем.

— Эти эпизоды не только о книгах, а о том, кто мне дал их. Ведь именно в эти минуты общения с дорогим человеком, которого я, быть может, после матери любил больше всего на свете, что-то тяжкое, невыносимое прорывалось в моей душе и появлялось острее, непреодолимое чувство освобождения, открытия мира. А как для человека, ставшего писателем, для меня потребность в книге, пробужденная в школе, помогла насытиться знаниями, информацией, помогла в меру возможного познать мировую литературу. Писатель должен, конечно, знать жизнь, но он обязан быть образованным.

— Вот вы подчеркиваете: «надо учиться», «нужно быть образованным». А не может ли образованность, начитанность помешать литератору, свернуть его с пути самобытных поисков слова, сюжетов: Всеволод Мейерхольд рассказывал однажды, как он беседовал с Толстым на эту тему: — Толстой мне задал вопрос: «Много ли вы читаете?» Я обалдел: вот вопрос. По-видимому, нужно сказать: «Много», так он же меня и поймает. Нет, думаю, уж лучше брякну истину, и говорю: «Мало». Он

говорит: «Вот и правильно. Самое ужасное, когда человек много читает и при этом теряет себя. Тогда он становится вроде такого кладезя чужих мыслей, а своего ума у него нет».

К этому можно добавить, что Лев Толстой составил «кладезь чужих знаний» — цитаты и высказывания под названием «Круг чтения».

— А вспомните, как относился к «всезнайству» Гоголь. Давайте возьмем в руки «Мертвые души». Это в первом томе, вот: «О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддерживать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе, говорил ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания, трактовали ли касательно следствия произведенного казенного палатой, — он показывал, что ему небезызвестны и судебские проделки, было ли расуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха, говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...» Правда, здесь речь идет не о литературе, но принципиально это не важно. Законы жизни и литературы во многом совпадают: мы учимся друг у друга.

— Кстати, Петр Лукич, вернемся к Толстому, в одном из писем 1878 года к своей тетке он писал о своей «учебе» у книг, у писателей прошлого: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время...»

— Толстой здесь как раз рассуждает о классике, о литературе двадцатых годов XIX века, когда, уже творил Пушкин. А для писателя нашего времени все лучшее в девятнадцатом веке — это классика, образец. Недаром великий Толстой вчитывался в страницы даже второстепенных авторов — для него это была «кухня» истории.

Я считаю, что наш девятнадцатый век, вся наша художественная культура прошлого предполагает какое-то его же самой заложенное движение вперед. Ведь как бы ни был богат наследник своих великих предков, без знания жизни ничего создать невозможно. О таланте я не говорю, талант — это само собой разумеющееся. Но знание жизни — это ипостась, на которой держится на-

стоящая русская литература. Потому что в творчестве отражаются душа, опыт, свои физические ощущения. Если ты пишешь о крестьянине, ты должен хоть раз подержаться за плуг, если пишешь о каменщике, надо поднять хотя бы несколько кирпичей, чтобы почувствовать их тяжесть, услышать, как они шлепаются в раствор. Правда, хочу оговориться: если ты берешься за большой социальный тип, мне думается, тебе может не хватить одного только знания жизни. Вот тут-то и приходится обращаться к опыту других, к книгам, архивам, рассказам очевидцев. Я, например, массу времени провел в архивах Москвы, Смоленска, Сибири, вчитываясь в самые различные свидетельства людей. А сколько прочитано книг писателей — ровесников классики! И все равно ощущаю: не хватает почему-то материала. Не хватало его, когда писал «Судьбу», «Имя твое»; сейчас закончил новый роман — и опять долго ощущал нехватку материала. Помню, как трудно мне было писать о кулаках, например, о Макашине. В тридцатые годы все было гораздо проще: сказали кулак, — значит, враг народа. А ведь я этих врагов ни разу в жизни не видел. Пришлось поехать на Верхнюю Каму. Поговорить с теми, кто в зрелом уже возрасте жил здесь в тридцатых годах, побродить, подышать окрестным воздухом. Но тут другой вопрос: кто я — судья или адвокат? Вопрос этот не простой. И, конечно же, я понял, что художник прежде всего — исследователь.

— Ну, коль вы заговорили о вашей писательской лаборатории, расскажите, как складывалась ваша творческая судьба? Я знаю, что она была легкой: позднее начало, поздняя первая книжка, непонимание некоторой части критики, ваши личные сомнения: писать дальше или нет...

— Действительно, стоял передо мной такой вопрос: что мне делать с романом «Глубокие травы», заканчивать его или нет? Или бросить писать вообще, заняться другим делом, уехать в леспромхоз — благо там хорошо платят. И вот здесь, можно сказать, второй раз в жизни, пришел мне на выручку прекрасный человек, у которого была явная воспитательная педагогическая жилка, журналист Сергей Леонтьевич Рослый.

Страстно влюбленный в литературу, он поверил в то, во что не верил я сам: в мои способности... Я дописал оборванный на середине роман, а в 1960-м в Москве в издательстве «Советская Россия» выпустил первую книжку рассказов «Таежная песня».

— А потом появился принесший известность роман «Горькие травы»?

— Легко сказать «появился». Писал я его одновременно с учебной на Высших литературных курсах Союза писателей. Дал на прочтение прозаику Юрию Лаптеву. Роман ему понравился, и он написал рекомендацию в журнал «Знамя». Там прочитали в отделе литературы и ответили отказом, дескать, роман слишком «утяжеленный», для «Знамени» не подходит. Ладно, думаю, пойду-ка я к Твардовскому, в «Новый мир». Что он скажет? С трудом попал к нему на прием, а он в то время был очень занят, что-то решал со своим заместителем и был не совсем доволен, что я к нему почти ворвался. «С чем пришли, с романом? А сколько страниц?». «Шестьсот шестьдесят», — говорю. «А вы можете написать маленький рассказ?» Я оторопел: «Могу, наверное». Вот Н. (Твардовский назвал имя одного литератора) написал маленькую повесть и стал знаменитым. Я немного пришел в себя, осмелел и выпалил: «А у вас вот вышел роман в стихах «Задалью — даль», в нем страниц триста будет». Твардовский вдруг часто заморгал глазами, расхохотался и говорит: «Не обижайтесь, мы познакомимся с вашим романом».

Но мне опять не повезло. Действительно горькими оказались для меня времена публикации этого романа. Но вот кто-то из критиков свел меня с Анатолием Ивановым. Тогда я его не знал, работал он в «Сибирских огнях» и приехал в Москву в командировку. Опять тот же вопрос: «Сколько страниц?» Когда узнал, что много, в шутку заупрямился, говорит: нет, мне надо апельсины детям везти, а тут весь лимит груза в самолете съест рукопись. В общем, буквально через неделю мне пришла телеграмма: «Будем печатать».

С этого романа и началась серьезному моя писательская судьба. Анатолий Иванов, которому я очень благодарен, ныне стал известным советским писателем.

— В последние годы, Петр Лукич, у вас были новые встречи, давшие вашему роману «Судьба» жизнь на экране. Я имею в виду работу над кинодилогией «Любовь земная» и «Судьба», за которую вы были удостоены Государственной премии СССР.

— Да, последние пять лет отданы работе над фильмами, работе сложной и трудной. Но очень интересной. И я только теперь чувствую, что закончено важное дело, втянувшее меня в совершенно иную сферу искусства. Работа с талантливым художником (он создал образ Захара Дерюгина) и режиссером, народным артистом СССР Евгением Матвеевым на многое раскрыла глаза — ведь мы ставили перед собой нелегкую задачу — создать живые характеры простых людей, в сознании которых вызревает и крепнет героическое начало.

После фильма я немного устал, но не отказываюсь от мысли продолжить экранизировать роман «Имя твое».

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.